

УДК 101.1

«ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ»: РАССОГЛАСОВАННОСТЬ МНОЖЕСТВЕННЫХ РЕФЕРЕНЦИЙ

Шоркин А. Д.

Аннотация: В настоящей работе продолжено обсуждение вопроса об изъянах и резонах распространенных толкований предмета практической философии (ПФ). Оно было начато статьей автора «Практическая философия»: сопряжение референций», в которой рассматривались традиционные версии благих намерений, персонального совершенства и исцеляющего утешения. В дополнении к ним «практической философией» часто именуется три иных референта. Цель версии ПФ как каркаса универсума состоит в обнаружении некоего несущего стержня постижения и устройства мира. Другая версия, максимально удаленная от академической философии, состоит в дерзком и рискованном выходе «в поле» технико-практических проектов, ее именуют *field philosophy*. И третья, наиболее дискуссионная, состоит в сведении ПФ к исследованиям философских контекстов любых объектов. Прояснение философских контекстов полезно для анализируемых феноменов и обогащает саму философию. Оно оказалось наиболее популярным и плодотворным, что диссонирует с частым скептическим к нему отношением.

Использование ярлыка ПФ в данных версиях в референциальном отношении безмятежно рассогласовано. Не корреспондируются эти значения «ПФ» и с референциями ранее рассмотренных нами классических трактовок. Во всех вариантах толкования то, что мыслится под именем ПФ, является функцией философии, но не ее разделом, лишено дисциплинарной строгости и цельности, требуемой для построения учебного курса.

Ключевые слова: методологический плюрализм, полевая философия, философии родительного падежа, регистры философии.

Каркас универсума

Как сторонники, так и скептики правомерности имени «ПФ», как правило, согласны в том, что философия изучает мир в целом, включая человека с его деятельностью и созерцанием – то есть, в нашей терминологии, универсум.

Несомненный факт наличия в нем профанных жизненных коллизий для популяризаторов философии, пишущих книжки для широкой публики, вполне достаточен для того, чтобы считать рассуждения об этих коллизиях практической философией. Автора одного из полезных протрептик такого рода справедливо «удручает», что достижения философии то и дело пытаются ограничить сферой пассивной созерцательной деятельности, неправоммерно полагают ее некой красивой и самодостаточной «ментальной формулой» [1, с. 11]. Следует согласиться с автором, что «мысли, чувства и дела» в жизни каким-то образом сопряжены. Пусть они зачастую далеки от гармонии, великая задача

состоит в том, чтобы способствовать их согласованию. Умозрительные философские абстракции в ее истории большей частью и в самом деле были (прямо или косвенно) соединены с образами жизни, с габитусами и установками, с настройкой, оптимизацией или перестройкой существенных феноменов культур.

На этом основании ярлыку ПФ иногда приписывается характер высшего предназначения философии, идеала ее устремлений. «Практический философ – с пафосом возвещает автор одного из учебных пособий – думает правильно, действует эффективно и чувствует радость от красоты и полноты формируемого им мира» [2, с. 4]. Однако большинство философов (видимо, не достигших такого великолепия) резонно именуется эту несомненную культуросозидающую роль философии просто практичной. Разница между «практичностью» философии и «ПФ» существенна: первая говорит о роли, о функции, тогда как вторая – о части, о виде, подразделе или дисциплине. Автор пособия относит ПФ именно к «дисциплине», в которой рассматриваются процессы принятия решений в повседневной жизни. Правильными критериями мышления и деятельности в этом учебном курсе прямолинейно объявляются ценности – такие как добро, истина, красота. Ценности же, в свою очередь, порождены народной мудростью, воплощены в традициях, посему «подосновой» философии является фольклор. Далее автор вполне логично (и не без пользы для студентов) стремится описать жизненные стратегии и коллизии на основе пословиц и поговорок.

Поскольку фольклор представлен кроме пословиц и поговорок иными формами, резонно предположить, что учебный курс ПФ мог бы быть составлен, к вящему удовольствию студентов, на базе, скажем, анекдотов, высмеивающих отступления от ценностных установок. Это не сарказм, а констатация факта. Или можно было бы обратиться к эпосу, к мудрости его седин. Именно так и поступает один из участников крымского круглого стола по ПФ, причисляя Бхагават Гиту к образцам ПФ [3, с. 7]. Конечно, Талмуд и Шариат еще с большим правом (поскольку они составлены прямыми предписаниями поведения) могли бы считаться текстами ПФ. Ведь многие столетия они успешно обеспечивают своих приверженцев тем, что, по мысли сторонников ПФ, ее, казалось бы, ясно идентифицирует – «практичными формулами оптимальных действий» [4, с. 33].

В подобных вариантах, заметим, обычная умозрительная философия фактически остается посредником между некоторой глубинной «подосновой» и жизнью. К ней иногда (может стать часто, но не обязательно) целесообразно обращаться – когда уместно воспользоваться какой-то идеей или примером рассуждения. Как в жанре утешения философией, где протрепстик осуществляется выборочно и фрагментарно.

Таким образом, наличие в универсуме, который составляет предмет философии, практических жизненных коллизий здесь достаточно, чтобы признать рассуждения о них ПФ (а не только практичностью философии). Это признание, однако, парадоксально разрушает целостность философии, расчленяет ее на произвольно связанные практическую и теоретическую части. Определять предмет ПФ, как это нередко происходит, посредством простой отсылки к практикам (неважно, «новым» ли, традиционным или «антропологическим») – значит не замечать порочного круга тавтологии, предпочитать

логичности упражнения в риторике. Именем *практика*, как известно, фактически означены два разных понятия: И. Кантом – персональный нравственный опыт, К. Марксом – материальная общественная деятельность. Претензии некоторых сторонников ПФ на введение еще каких-то дополнительных смыслов «практики» остаются невнятными, как и то, к какому из коннотатов отсылка производится.

К тому же практики – вещь для человечества первостепенно важная, ими многие и разные, помимо философов, специалисты занимаются. В чем здесь состоит специфика именно философской рефлексии? И насколько лексически корректно было бы означить, например, направление кантовского исследования чистого разума «чисто разумной философией»? Невнятным в такой версии ПФ, в итоге, остается и то, о чем говорится, и то, как это делается.

В поисках более веского основания для пользования ярлыком ПФ некоторые исследователи обращаются к вопросу о способах и формах упорядоченности универсума, о его каркасе, несущем стержне постижения и устройства. Вот он то, мол, и является предметом ПФ, поскольку, надо думать, на всех жизненных практиках не может не сказываться.

В отличие от недавнего прошлого, теперь мало кто оптимистично оценивает состоятельность былых амбициозных претензий установить «наиболее общие закономерности природы, общества и мышления». Заметно за последние полвека утратили популярность и надежды «поймать» универсум в силки категориальных сетей. С оправданной осторожностью современные исследователи, например, ставят задачу построения «смысловой картины мира» [3, 6]. Или выражают предположение, что методолог, вооруженный некоторым плодотворным («интервальным») подходом, сможет быть «дирижером» постижения и, отчасти, устройства универсума [4, с. 25]. Всякое продвижение на этих направлениях, вербальное ли, инструментальное или иное, по замыслу авторов, отвечает фундаментальным целям развития ПФ.

Распознавание укорененных в картине мира смыслов является, бесспорно, темой интересной и перспективной. Отметим только, что ведущая интенция философии противоположна: она не укореняет, а выбивает из колеи. Философ вечно скребет коросту предубеждений (Витгенштейн), разоблачает устаревшее и фальшивое, но не указывает на полезное (Ясперс). Философу, как и Алисе Льюиса Кэрролла, кажется «скучно и глупо, что жизнь опять пошла по-обычному» [5, с. 17]. Он постоянно затевает то в одних «комнатах» универсума, то в других всякий ремонт, он нарушает привычный уют, а то и вовсе требует, к возмущению жильцов, капитальной перестройки. Как жить в доме, где под сомнением фундамент? Потому философы обычно на подозрении: всем известно, что от них один дискомфорт.

Такая, в житейском смысле, непрактичность и непрекращающиеся «почесывания зуда» сомнений, однако, оборачиваются во времени импульсом создания новых практик, без которых культуры вянут, а общества гибнут. Каким же образом в смысловых картинах мира может быть учтена ведущая интенция философии, которая вскрывает и разоблачает то, что подразумевается, то есть еще не мыслиться в принятой картине мира, живет до привычных смыслов? Пока концептуальные модели смысловых картин

мира не получили достаточной прорисовки, данный вопрос не слишком актуален. Его резон – в сомнительной правомерности примерки на них «одежды» с ярлыком ПФ.

Обращение к методологии нацелено на всякие процессы, в том числе практические, более метко и цепко. Причем издавна. Аристотель, например, надеялся на силлогистику как на всеобщий метод достижения новых знаний, а Декарт отважился прописать общие правила для руководства ума. Со времен средневековья и до XX века универсальным ключом к зашифрованным кодам универсума полагались методы герменевтики. На всеобщность и универсальность претендовали как спекулятивный диалектический подход, так и альтернативные ему эмпирические методы индукции. Однако позже на владение «золотым ключиком» некой методологии как универсальной отмычки бытия уже никто не претендовал – ни Бертраланфи, ни Хакен с Пригожиным. Создатели семиотики изначально очертили границы ее применения. Даже далекий от ложной скромности Мандельброт своей фрактальной геометрией наметил скорее эстетические контуры возможной синергетической картины мира, но вовсе не претензий на создание ведущего методологического подхода.

Причина отказа от былых претензий проста: для всякой практической работы, что нетрудно видеть, требуется многие и разные методы и инструменты. Сколько карманчиков для инструментов на комбинезоне у квалифицированного рабочего, какое количество различных косметических средств или кухонной утвари требуется хорошей хозяйке! Обилие разновидностей пузырьков и таблеток на аптечных полках необходимо так же, как множество методов воспитания ребенка. Для успешности практик (а, тем более, для продуктивности быстрой и причудливой ментальности) нужны многие подходы, каждый из которых предлагает многие методы. Философом, как и всяким иным специалистом, они применяются в беспрестанном умелом варьировании – подобно «лязгающим ножницам парикмахера» (Витгенштейн). Эта же идея, строже выраженная, состоит в трактовке современной методологической парадигмы как «системного методологического плюрализма» [6, с. 62].

Словом, для исследовательской и для практической работы нужны разнообразные подходы, еще больше требуется, понятно, методов, которыми подходы осуществляются. Плюрализм не означает их равной приемлемости: подходы конкурируют и сменяют друг друга, методы находятся в отношении систематической дополнительнойности. Плюрализм не приемлет также, однако, ранжирования способов деятельности, построения иерархий средств постижения. Поэтому для них одного методологического дирижера мало: слишком уж «оркестры» различны, «музыкальные инструменты» специфичны, да и много их, всяких и разных. Претензиям на методологическое лидерство следует предпочесть широкое знакомство с подходами и владение методами, которое является критерием уровня методологической культуры. Ее формирование С.А. Лебедев и считает задачей ПФ.

Но где же каркас и стержень универсума? Плюрализм не знает стержня, как невозможен он в децентрированной организации ризомы. Каркас в этой парадигме меняется непредсказуемо и стремительно, его твердость оборачивается пластичностью, о нем трудно сказать что-либо определенное. Стратегема методологической дополнитель-

ности подталкивает к иному: она недвусмысленно ориентирует на поиск должной активности, на свободный выбор подходящих средств достижения желаемого результата. Иначе говоря, эта трактовка ПФ имплицитно возвращает нас к неоклассической версии. Версия же ПФ как некоего каркаса универсума, стержня его постижения и устройства сегодня скорее архаична, результатами современных исследований поддержана слабо.

«Полевой» бизнес

Концепт «field philosophy» в XXI веке был сформирован Р. Фродеманом, Дж. Холбруком и А. Бригглом. Словом *полевая*, по обыкновению социологов, в нем, казалось бы, корректно означена практическая сторона работы. Однако, в гораздо большей мере, за ним авторами концепта подразумевается претендующая на новизну целая стратегия деятельности философов [7]. Обычно, даже в прикладных (applied) философских исследованиях, стратегия состоит в движении от теории к практике. Этого сегодня, уверены авторы концепта, вопиюще недостаточно: в новаторской стратегии современной философии «времен неоллиберализма» исходной ступенью может быть только практика. От нее, обращаясь по мере необходимости к любым теоретическим представлениям, ко всякому ментальному наследию, современному философу следует выстраивать поиск способов принятия нужных практических решений, продуцировать новые виды практик. Прогресс состоит не в том, чтобы понять мир, а в том, чтобы его практически изменить. Академическая же философия непозволительно замкнулась в себе, игнорирует насущные проблемы общественной жизни.

Как видим, «новаторы» почти буквально воспроизводят известную позицию К. Маркса. Но с той поры, уже более полутора веков, коммуникации философов с представителями естествознания во многих научных сообществах и поощряются, и систематически осуществляются, а прямое сотрудничество с гуманитариями (с лингвистами, например, с историками или психологами) привело ко многим существенным и очевидным результатам. Философы, инженеры и техники сегодня входят в широкую группу специалистов, которые совместно обсуждают, например, вопросы искусственного интеллекта, перспектив виртуальной реальности или киберпротезирования. А полвека назад искали разные эвристики изобретений, выстраивали теорию решения изобретательских задач. Что же действительно нового в этой связи отстаивают адепты «field philosophy»?

К новизне, по моему мнению, можно отнести разве что поведенческие образцы, примеры личного участия в реальных технических проектах. Р. Фродеман входил в группу, состоящую из представителей разных специальностей, которые совместно решали проблему дренажа кислых шахтных вод; их нейтрализация действительно составляет на некоторых территориях важнейшую экологическую задачу. Ф. Бриггл успешно лоббировал интересы компании по добыче углеводородов технологией фрекинга, для чего провел значительную работу в веб-сетях (посты, сайт, аккаунты, блог), организовал митинги, даже проведения референдума сумел добиться. Конечно, в бизнес-проект не всякого возьмут, да и денег заработать можно. Но почему подобную, будем надеяться, общественно полезную и скорее всего персонально прибыльную деятельность следует считать какого-то рода философией? Схожего типа и уровня сложности работу гораздо

чаще выполняют менеджеры, специалисты PR или ушлые журналисты. Вероятно, философы обращаются к ней даже реже, чем мошенники высокой квалификации.

Подготовленный философ, хочется верить, обладает навыками рефлексии и аналитическими способностями, которые с пользой и неожиданной для окружающих эффективностью могут быть применены в самых разных ситуациях и сферах деятельности. Что следует только приветствовать. Но разве позволительно вешать ярлык философии (как нетрудно догадаться, практической) на все, чем философ занимается, на всякую его деятельность? Эдак к ПФ в ее «полевой» форме можно не только застолье отнести, где которым сотрудники кафедры философии шутят и всякие умные разговоры ведут (подобно античному симпозиуму), но, в первую очередь, предшествующие ему «полевые» закупки провизии.

Позитивной стороной примеров персонального участия философов в разных общественных и, особенно, в специальных бизнес-проектах является необходимость обладания нужными компетенциями, научно-техническими знаниями (Science Technology Systems). Причем на профессиональном, а не на научно-популярном уровне. Вследствие уменьшающейся осведомленности философов относительно бурно прирастающих достижений науки и техники их контакты с сообществами STS, к сожалению, ослабевают. Философская «сова Минервы», как встарь, не готова к тому, чтобы умело варьировать высоту полета от эпистеме до техне. Высшее совершенство ее изысканного метафизического «оперения» то и дело скандально диссонирует с грубоватым рабочим комбинезоном STS.

Таким образом, field philosophy поддерживает нужную интенцию, поскольку отвергает академическую замкнутость и высокомерную прерогативу теоретической чистоты философского дискурса, но с необоснованным произволом использует ярлык ПФ в качестве метафоры собственной дискурсивности. Полевая философия, конечно, не претендует быть частью философии. Название статьи одного из ее адептов («Philosophy dedisciplined») недвусмысленно и прямо свидетельствует, что она находится вне критериев дисциплинарной строгости, потребной для построения раздела или учебного курса.

Философские контексты

Среди трактовок ПФ наибольшей популярностью, судя по публикациям, пользуется ее истолкование как «философии чего-то» – права, бизнеса, безопасности, управления и т.д. Симптоматично, что из более двух сотен статей и тезисов трех конференций (общероссийской и двух крымских) примерно три четверти означены и выстроены именно в этой, как ее стали недавно называть в России, стилистике «родительного падежа».

Множество объектов универсума, которые таким способом попали (а, тем более, могут попасть) в поле философской рефлексии, понятно, колоссально разнообразно, велико или вовсе неисчислимо. Можно ли надеяться упорядочить их в систему или в иную таксономию? Однако даже прямой постановки такой задачи в текстах сторонников ПФ нам встретить не удалось. Робкие попытки общего обзора ее предметной сферы сталкиваются с существенными трудностями: чтобы объять необъятное, приходится довольствоваться выборочными примерами, скудными ссылками на «актуальные проблемы», которые удается только поименовать и перечислить. Ибо даже беглое раскрытие

содержательных аспектов любой их них требует иного – отдельного – формата: нужен несравненно больший объем текстов, специальная подготовленность читателя.

Реестр актуальных проблем, от которых зависят судьбы человечества (до недавнего времени их называли глобальными), тем не менее, составить можно. Они то и дело затрагиваются литераторами и публицистами, их можно разглядеть в перспективах наук и технологий, такие проблемы проявляются в коллизиях социальности и муссируются в политических столкновениях. Им только нужно подобрать названия, которые были бы приняты общественным мнением, составить примерный список. В итоге, однако, получается нечто, близкое к оглавлению книги и ее аннотации, но без основного текста. К чему, собственно, здесь сводятся усилия и достигнутые результаты сторонников ПФ по ее построению как дисциплины.

Но ведь важно проблему решить, показать возможные варианты ответов (что вообще первостепенно, если ПФ выстраивается как учебный курс), а не просто сформулировать! Даже корректная постановка проблемы при всей значимости этого этапа только открывает исследовательский поиск. Всего лишь назвать проблему явно недостаточно. Назвать – отнюдь не значит узнать, «*no men est omen*» является формулой архаичной, приемлемой для схолии, а не для современного типа знания. Имя вещи репрезентирует ее суть в далеких мифологических культурах, вряд ли на пользу репутации ПФ идет невольное ее уподобление мифу или схолии. Не стоит довольствоваться, подобно древним магам, ритуалами именованья проблем, а затем включать их имена в реестры без видимых попыток упорядочения и постановки рационального вопроса о полноте списка.

Словом, о какой-либо системной и логически корректной трактовке ПФ здесь говорить не приходится. Она решительно не дисциплинарна. За редкими исключениями, «философии родительного падежа» осмотрительно (и нередко эффективно) посвящены анализу аспектов какого-либо отдельного объекта. В одном сборнике по ПФ представлены, например, тексты о христианских мотивах в творчестве Ахматовой и о методологической стратегии вычислительной математики, о проблемах студенческой семьи и о «философском понимании» кредита и найма [8]. Подобная тематическая пестрота присуща всем сборникам трудов по ПФ, даже в небольших по объему изданиях редакторам приходится вводить с десятков подразделов, чтобы материалы хоть как-то тематически рассредоточить. Вопрос же о связи подразделов друг с другом попросту игнорируется – мол, ведь все уже и так априорно отнесено к ведомству ПФ.

Выходит, можно писать обо всем – лишь бы с философией немного связано было. Такое дискредитирующее философию подозрение поддержано не только реальной тематической пестротой распространенных дискурсов, но, к сожалению, также позицией теоретиков данной версии ПФ. Вместе с тем, многие изыскания, выполненные в стилистике «родительного падежа» (иначе говоря, посвященные философским контекстам отдельных объектов универсума), оказались весьма полезными: как для освоения этих объектов, так и, что с неохотой признается академическим сообществом, для развития самой философии.

Основная же известная претензия общего характера состоит в том, что философия чего-то, скажем права или политики, повествует вовсе не о философии, а о предметах,

по отношению к ней внешних. Поэтому ее неверно считать ПФ, даже статус «прикладной» философии здесь уместен лишь в сочетании с материальной трактовкой практики [9, с. 44–45].

Суть замечания, на наш взгляд, основана на подразумеваемом ранжировании объектов универсума: в нем размещены, наряду с философией и объектами, достойными ее интереса, объекты посторонние, иного – незначительного по меркам глубины и широты философской рефлексии масштаба. Из пушки по воробьям не стреляют. «Философии родительного падежа» – не стигмы второсортности, ибо все от масштаба их объектов зависит: до респектабельности критики чистого разума, философии общего дела или теории познания явно не доросли философии власти или бизнеса, а словосочетание «философия обуви» пригодно разве что для демонстрации его абсурдности – мол, мелко слишком. Одно дело – диалектика природы, совсем другое, как иронизировали в советские времена, диалектика продажи арбузов.

В материалах астраханской конференции по ПФ представлен текст «Философия отбора претендентов на должность государственных служащих» [10, с. 80–84]. Его авторы, два профессора экономики составили подборку воззрений философов прошлого о нужных качествах человека, наделенного властью. Объект анализа невозможно считать внешним по отношению к философскому наследию – ведь текст с очевидностью сформирован как протрептик. Также и масштабирован объект вполне уверенно и достойно – в поле философской антропологии. В то же время несомненен прикладной характер работы. Откровенная стилистика родительного падежа отнюдь не вывела это исследование за пределы философии. Ею просто означен факт применения (удачного или нет – другой вопрос) философских идей к практической задаче.

Процессы выполнения философией своей практической функции нетрудно детальнее и полнее отследить на перипетиях «философии науки». Если не обращаться к предтечам, ее генезис оказался синхронен становлению нового типа знания – science. Формирующаяся наука была поддержана авторитетом многих философов, ее представители долгое время именовались «энтузиастами» или «виртуозами» *натуральной философии*. Декарт или Лейбниц в своих сочинениях философию и науку вообще не различали. Позитивисты видели задачу философии в построении научной картины мира. Несколько десятилетий представители одного из влиятельных философских направлений усматривали предмет философии в анализе языка науки и ее структуры. Постпозитивистский дискурс был посвящен факторам и вопросам динамики развития науки. Достигнутые результаты обобщены в качестве эпистемологии, которая существенно дополнила традиционную теорию познания. Представления же о научной картине мира, беспрестанно пополняющиеся, реально обогащают (вопреки попыткам ослабить их влияние, обособив в качестве «онтики») такой традиционный раздел философии, как онтология. Или, насколько бы обеднела современная, самая теоретическая и академическая философия с изъятием из ее корпуса достижений философии языка!

Эти известные факты свидетельствуют не только об ожидаемой пользе философского анализа для понимания и развития «внешних» относительно нее объектов (кстати, их

инородность поначалу постулировалась совсем иначе, позже получала весьма слабую артикуляцию, и обнаружилась в современном виде с кардинальным ограничением предмета (философии). Главное здесь в ином: процессы философского исследования нефилософских в академическом смысле объектов с парадоксальной, на первый взгляд, продуктивностью способны иногда формировать целые философские направления, а получаемые результаты систематически обогащают ее подразделы. Расколоть философию на части теоретической и практической философии – значит эти многочисленные факты игнорировать. Практичность является функцией философии, без которой она перестает быть нужной, а также не может полноценно, без экстенсивных факторов, развиваться сама. Ограничение развития внутренними, интенсивными факторами довольно быстро превращает философию, как показывает ее история, в бесполезное и невнятное для общественности бормотание, в пустую спекуляцию. Без практической функции философия сводится к ее прошлой истории (что нередко, к сожалению, с апломбом отстаивается), а новая складывающаяся история обречена на тавтологию, сведена к интерпретации старых идей.

Причина непостижимой конструктивности анализа «нефилософских», казалось бы, объектов состоит в том, что больше рассматриваются не они сами, а их контекст. Не сами по себе они интересны, важен фон объекта.

Фраза *фон объекта восприятия*, которая с умышленной основательностью «запятнана» нами родительным падежом, говорит, прежде всего, о фоне, а уже потом об объекте и о восприятии. Физиологи, эмпирически изучающие микродвижения глаз в процессах зрительного восприятия, констатируют, что глаз находит объект только в локусе разрыва фона. Сначала всегда довольно беспорядочно «ощупывается» фон, а там, где его непрерывность вдруг исчезает, глаз фиксирует объект и фокусируется на нем. Потому слиться с фоном является первой заповедью маскировки. Фон гуманитарных приоритетов, смыслов и значений вещей и событий, который мы сканируем философским умозрением, обнаруживая и просвечивая тот или иной объект универсума, является его философским контекстом. Поэтому мы так и назвали данную версию ПФ.

Столь ничтожный объект, как экскременты животного, Лютер приравнивал к священному писанию без всякого кощунства, но согласно веским доводам деизма: истина Творца присутствует в любом его творении, сколь бы малым оно ни было. В одном мгновенье Блейк видел вечность, а весь мир – в зерне песка. Современные археологи, изучая окаменелый помёт мышей, которые обитали в полях Мезоамерики тысячу лет назад, ищут в его составе ингредиенты культурных растений, чтобы узнать, было ли кому то или иное поле ими засеять, или аборигенное общество уже погибло. Чем обувь или арбуз в качестве объектов рефлексии хуже? Масштаб объекта второстепенен, важен его контекст.

Недавно стоптанные сандалии Стива Джобса были проданы на аукционе почти за четверть миллиона долларов. Вполне, по-моему, полновесный факт, который констатирует живучесть первобытного фетишизма в XXI веке, обнажает нелепость устройства современного социума, где охотно допускается обескураживающее имущественное неравенство, демонстрирует искореженную рациональность и кульбиты здравого смысла. Добротное исследование продаж арбузов, особенно херсонских, способно обнаружить

контексты философской глубины. Ибо обращение к философскому контексту всякого объекта универсума преследует цель понять, каким образом он встроен в универсум, какими тонкими и глубинными связями он сопряжен с иными его объектами. От экзотического объекта к полноте картины добираться тоже нужно, дабы исключений и маргинальных ее оттенков не упустить.

Витгенштейн часто начинал импровизацию читаемых лекций со случайной фразы и через нее виртуозно проникал в тайную сеть языка. Заранее подобранный объект более прямого смыслового или более крупного культурного масштаба, конечно, облегчает проникновение в контекст. Легкость входа, однако, сопряжена с риском ограничения продвижения проторенными, а значит, и банальными путями. Как в детективном расследовании, зачастую именно мелкая и незаметная улика позволяет раскрыть смысл и правду.

Понятие «философия родительного падежа», таким образом, является оценочной метафорой вынужденного отступничества от безупречности теоретической чистоты дискурса. Оно не сопряжено со сколь-нибудь строгими критериями, лишено терминологической точности. Падежи применяются для выражения синтаксических зависимостей между именем и подчиненным ему другим элементом предложения. Родительный падеж имеет две разные формы (генитив и партитив), причем каждой из них присущ набор различных функций. Ссылка на родительный падеж без уточнения его формы и функции, понятно, не может претендовать на приемлемую синтаксическую точность. Без чего оказывается ущербной и семантическая точность. Введение понятия *контекстуальный фон объекта* преследует целью этот изъян устранить.

Многочисленные прецеденты очевидной практической полезности философского обсуждения контекстуальных связей отдельных объектов универсума (творчества ли, науки, культуры и т.д.) издавна стимулируют попытки создания учебных пособий. Они так, в соответствии с именами объектов обычно и назывались: «философия творчества», «философия науки» и т.д. Без ненужных и обреченных на безуспешность стремлений обобщить и представить текст как ПФ. Слишком уж разным и богатым содержанием они наполнены: одно дело, например, – философия образования, совсем другие смыслы артикулированы в философии рынка. Отыскать пересечения философии интуиции с философией права совсем не просто. Да и нужно ли это химику или филологу в той же степени, как, возможно, психологу или юристу? К какому смешению полезных идей, к какой «каше», отдельные ингредиенты которой питательны, но которую в целом усвоить организму никак невозможно, способна привести высказываемая некоторыми исследователями претензия на создание универсального учебного курса ПФ?

В одном из немногих учебных пособий по ПФ его авторы все же сумели предложить магистрантам продуманно структурированную программу курса [11]. Четкость программы достигнута внятными отбором объектов, знанием философских контекстов которых, согласно замыслу авторов, способствует профессиональному становлению. Часть лекционного курса инвариантна для разных специальностей, вторая его половина составлена беглым анализом разных (имманентных той или иной направленности профессиональной подготовки) наборов объектов. Предлагаемое «блюдо», о питательности

и кулинарном исполнении которого можно спорить, с неизбежностью остается «мюсли», но далеко не всякие ингредиенты тут познавательную «кашу» составляют. Дисциплинарная строгость учебного курса принудила лекторов к осмысленной выборке из бесконечности объектов универсума, от чего, к сожалению, себя освободили некоторые теоретики ПФ. Вопрос о построении универсального, пригодного для всех специальностей учебного курса, рассказывающего о практической философии, по нашему мнению, ставить абсурдно. Он обречен оставаться нерепрезентативным, не способен быть глубже поверхностной пропедевтики. Несравненно больше пользы в специальной подготовке химика приносят курсы по философии науки и техники, а в общей подготовке – курсы, например, по философии культуры или философии поступка. Что, кроме амбиций, движет авторами, пытающихся все это замешать в неудобоваримую кашу под ярлыком ПФ?

В зеркале рефлексии

Факты реального употребления словосочетания «ПФ» связывают его с шестью основными референтами. К трем из них ПФ относили издавна: к свободному поиску *должного и благого намерения*, к достойному *образу жизни*, к *утешающей и исцеляющей* роли философии. Позже, четвертым вариантом, в зону референций попали также представления о несущем *каркасе универсума* – об основаниях его связности, о глубинных способах постижения и устроения, полагать которые практической философией ранее было бы абсурдным. Не менее странным с классической точки зрения является современное (уже пятое) использование ярлыка ПФ для означения деятельности философа в реальном (а не только ментальном) *поле* экономики, бизнеса и рекламы. Незначительное распространение этой претенциозной трактовки щедро компенсируется широкой популярностью шестой версии понимания практической философии как исследования *контекстов отдельных объектов универсума*.

Среди сторонников «двухчастного» деления философии на ее теоретическую и практическую составляющие отсутствует согласие, какой из референтов имени «ПФ» следует предпочесть или от какого из них следует отказаться. Референциальная размытость превращает имя в ярлык, который удостоверяет и прикрывает произвольный, хотя и ограниченный выбор его применения. Адепты ПФ используют ее ярлык как безупречный бренд, этим же ярлыком критики клеймят ее второстепенность в сравнении с общностью и чистотой теоретического дискурса. Важнее, однако, видеть в ярлыке ПФ не знак качества, а простой способ сокрытия неопределенности, которая влечет как конструктивные, так и деструктивные следствия. Изъяны и достоинства каждой из версий мы постарались проследить.

Наиболее универсальным способом описания практик применения философии к жизни является, вопреки едкой критике, стилистика «родительного падежа». Иные версии ПФ выражаются в ней, например, философией поступка или философией свободы, философией образа жизни или философией утешения и исцеления. «Полевая философия» может быть представлена в виде релевантных контекстов деятельности. Важной опорой размышлений о каркасе универсума является философия культурных смыслов. Приоритетность этой незаслуженно униженной стилистики косвенно поддержана тем

обстоятельством, что недостаточная ассоциация объекта с его контекстуальным фоном ведет к диссоциации (вслушаемся в тайную мудрость языка: ею даже психические расстройства именуется).

В итоге философия складывается органичным сплетением умозрительных стратегий постижения связности и целостности универсума с тактиками исследования контекстов его отдельных объектов. В этих верхнем и нижнем регистрах смыслового звучания разрабатываются нужные темы. Часть из них вновь и вновь воспроизводятся, «вечные» темы расцветаются все новыми красками. Нужный ракурс их освещения и свежий взгляд продуцированы, однако, более скромными, преходящими темами философствования о текущей жизни.

Нередко встречающееся обозначение части дискурса «прикладной» философией следовало бы по аналогии с устроением науки попытаться дополнить «фундаментальной» оппозицией. Чего, однако, предусмотрительно не делается по трем причинам. Фундаментальное в науке устроено как твердое ядро знания с общепринятой терминологией, в философии же оно составлено оппозиционными учениями, концепты которых могут не совпадать и даже исключать друг друга. Прикладное научное знание, во-вторых, может быть выведено из теоретических схем, прикладные философии из общих умозрительных конструкций не выводимы. Наконец, прикладные науки не меняют фундаментальных достижений, а изучение философских контекстов отдельных объектов универсума способно существенно повлиять на фундаментальные его версии. Никак не получается философию из двух частей составить! Означению какой-либо ее составляющей как «практической» или «прикладной» следует, по нашему мнению, предпочесть трактовку содержания философии как соединения, сплава умозрительных версий универсума с контекстуальными сюжетами его объектов.

Во всех случаях использования ярлыка ПФ речь идет о плодотворных актах применения философии к жизни: или прямого, непосредственного влияния смыслов ее идей, либо косвенного воздействия – посредством обращения к практическому делу мышления, возвращенного на философских идеях, способного к рефлексии, сомнению и аналитике. Акты применения философии, как и всякого знания, нормальны. Без них знание бесплодно. Философия воплощается в поступках, в образе жизни, в созидательных устремлениях и созданных вещах. Ее живительный ток медленно застывает в габитусах, кристаллизуется в нормах и традициях. Она поэтому и полагается М. Мамардашвили «умным телом культуры». Исток бунтующей философии – это непроходимые места жизни, лучший удел – угасание пыла и тихое смысловое сияние в привычных вещах. Стать куколкой, чтобы потом вновь взлететь бабочкой. В этом ее великая практическая функция.

Ни одна отрасль знания не рассматривает саму себя с той настойчивой тщательностью, как философия. Привычка к рефлексии сродни неистребимой тяги к зеркалу. Дама Философия с удовольствием и вниманием изучает свое отражение, иногда – придиричиво (что нормально и необходимо), но зачастую – просто любуясь, в который раз принимая выигрышные позы, эффектные жесты и репетируя диапазон нужных выражений лица. Особой популярностью пользуются нарративы о том, «как я выглядела раньше», в связи

с чем нередко высказывается мнение, что философия – это только ее история. Эгоцентризм разговоров о себе самой (чем грешит и настоящее исследование) стоит терпеть лишь изредка, он извинителен постольку, поскольку в зеркале рефлексии удалось заметить что-нибудь важное – недопустимый изъян или замечательную идею, которые раньше недооценивали или не замечали.

В случае с ПФ честное зеркало, увы, отражает изъян: мелькание красивых всплесков, но столь разнообразных и хаотичных, что они никак не складываются в сколь-нибудь цельное изображение, необходимое для дисциплинарной определенности. Один из участников крымского круглого стола по ПФ считает ее современное состояние «философским декадансом» [12]. Упадок и всякие несообразности вызваны, по нашему мнению, опрометчивой попыткой изобразить то, что образа принципиально лишено – функцию. Ее можно только выразить, изобразить же можно вещь (объект), который ею обладает. Ярлык ПФ лексически некорректно удостоверяет функцию применения философии к практической жизни в качестве части философии. Им же прикрыта дисциплинарная пустота – ведь *discipline*, как монашеская плетка, строгости требует, неопределенности не терпит.

Гипостазирование является неременным и одним из лучших инструментов художника. Чебурашка для детей – зверек всамделишный и притягательный. Для взрослых же он продукт гипостазирования, зверек виртуальный, успешный суггестивный символ доверчивой незащитности и доброты. В принципиальном отличии от художника, для ученого гипостазирование является логической ошибкой, ловушкой. Пустое это занятие – всерьез искать Чебурашку в ящиках с апельсинами, а потом рассказывать студентам о том, как это правильно делать.

Список литературы

1. Гусман Д. С. Философия как образ жизни / пер. Наумовой О.В. Новый Акрополь: «ИП Карелин», 2011. – 88 с.
2. Желтов М.П. Практическая философия: учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2009. – 152 с.
3. Практическая философия: современное состояние (материалы «круглого стола») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферополь, 2021. – С. 4-19.
4. Габриелян О.А., Лазарев Ф.В. Практическая философия: современные трансформации и перспективы. Вместо манифеста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферополь, 2021. – С. 20-36.
5. Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. М.: Наука, 1978. – 359 с.
6. Лебедев С.А. Формирование методологической культуры ученых как область практической философии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферополь, 2021. – С. 55-69.

7. Шибаршина С.В. Концепция «полевой философии» и участие философов в решении актуальных проблем современности // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сб. мат. Всесоюзной конференции (Астраханский гос. ун-т, 27-28 сент. 2018 г.) / Под н. ред. Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – С. 109-114.
8. Практическая философия: состояние и перспективы: Сборник материалов V научной конференции / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – 284 с.
9. Гусейнов А.А. Ответы на современные вызовы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферополь, 2021. – С. 37-47.
10. Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всесоюзной конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 550 с.
11. Практическая философия: учебник для магистров экономических вузов / Под ред. А.Н. Чумакова. – М.: Проспект, 2017. – 480 с.
12. Воеводин А.П. Философский декаданс «практической философии» // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов научной конференции / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 7-11.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – доктор философских наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Г. Симферополь, Российская Федерация

Email: alexshorkin@mail.ru

Shorkin A. D.

“PRACTICAL PHILOSOPHY”: INCONSISTENCY OF MULTIPLE REFERENCES

Abstract: This article continues the discussion of the issue of flaws and reasons for the widespread interpretations of the subject of practical philosophy (PP). It began with the author's article «Practical Philosophy: Linking of References,» which dealt with traditional versions of good intentions, personal perfection, and healing consolation. In addition to these, «practical philosophy» is often referred to as three other referents. The purpose of the version of the PP as the frame of the universe is to discover a certain bearing core of comprehension and arrangement of the world. Another version that is as far as possible from academic philosophy, consists in a daring and risky exit «in the field» of technical and practical projects,

it is called field philosophy. And the third, the most debatable one, is to reduce the PF to the study of the philosophical contexts of any objects. The clarification of philosophical contexts is useful for the analyzed phenomena and enriches philosophy itself. It turned out to be the most popular and fruitful, which is discordant with the often skeptical attitude towards it.

The use of the PP label in these versions is serenely discordant in a referential point. These meanings of «PP» do not correspond with the references of the classical interpretations we have previously considered. In all interpretations, what is conceived under the name of PF is a function of philosophy, but not a section of it, lacking the disciplinary rigor and integrity required to build a curriculum.

Keywords: *methodological pluralism, field philosophy, philosophies of the genitive case, registers of philosophy.*

References

1. Gusman D. S. *Filosofiya kak obraz zhizni* / per. Naumovoj O.V. *Novy`j Akropol`*: «IP Karelin», 2011. – 88 s.
2. Zheltov M.P. *Prakticheskaya filosofiya: uchebnoe posobie*. Cheboksary`: Izd-vo Chuvash. Un-ta, 2009. – 152 s.
3. *Prakticheskaya filosofiya: sovremennoe sostoyanie (materialy` «kruglogo stola») // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 4-19.
4. Gabrielyan O.A., Lazarev F.V. *Prakticheskaya filosofiya: sovremenny`e transformacii i perspektivy`*. Vmesto manifesta // *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 20-36.
5. Ke`rroll L. *Priklucheniya Alisy` v strane chudes*. M.: Nauka, 1978. – 359 s.
6. Lebedev S.A. *Formirovanie metodologicheskoy kul`tury` ucheny`x kak oblast` prakticheskoy filosofii // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 55-69.
7. Shibarshina S.V. *Koncepciya «polevoj filosofii» i uchastie filosofov v reshenii aktual`ny`x problem sovremennosti // Prakticheskaya filosofiya: ot klassiki do informacionnogo sociuma: Sb. mat. Vsesoyuznoj konferencii (Astraxanskij gos. un-t, 27-28 sent. 2018 g.) / Pod n. red. L.V. Baevoj i K.A. Markelova*. – Astraxan`: Izdatel`: Sorokin Roman Vasil`evich, 2018. – S. 109-114.
8. *Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy`*: Sbornik materialov V nauchnoj konferencii / gl. red. O.A. Gabrielyan. – Simferopol`: IT «ARIAL», 2022. – 284 s.
9. Gusejnov A.A. *Otvety` na sovremenny`e vy`zovy`*. // *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 37-47.
10. *Prakticheskaya filosofiya: ot klassiki do informacionnogo sociuma: Sbornik materialov Vsesoyuznoj konferencii (Astraxan`, Astraxanskij gosudarstvenny`j universitet, 27-28 sentyabrya 2018 g.) / Pod nauchnoj redakciej L.V. Baevoj i K.A.*

- Markelova. – Astraxan': Izdatel': Sorokin Roman Vasil'evich, 2018. – 550 s.
11. Prakticheskaya filosofiya: uchebnik dlya magistrov e`konomicheskix vuzov / Pod red. A.N. Chumakova. – M.: Prospekt, 2017. – 480 s.
  12. Voevodin A.P. Filosofskij dekadans «prakticheskoy filosofii» // Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy`: sbornik materialov nauchnoj konferencii / gl. red. O.A. Gabrielyan. – Simferopol': IT «ARIAL», 2021. – S. 7-11.

Shorkin Alexey Davydovich – Doctor of philosophical science, the Crimean Federal University of V.I. Vernadskij, Simferopol, Russian Federation

Email: alexshorkin@mail.ru